

Спор имеет великое множество разновидностей. Спор с целью отстоять свою точку зрения, парламентский спор, неподготовленный спор — вот лишь некоторые его виды из всего богатого разнообразия. Количество участников дискуссии в группе также может варьироваться от 2 до 4 в группе. В спорах некоторых видов участники могут лишь делать выступление, в то время как в других им предоставляется еще и возможность задавать вопросы.

ИНТЕРТЕКСТ КАК ПРИЕМ СОЗДАНИЯ ПОДТЕКСТА

Ануфриева С.С., УО «ВГУ им. П.М.Машерова»

Известно, что автор любого текста может сознательно или бессознательно сослаться на другие конкретные тексты, однако, не всегда автор может быть уверен в том, что реципиент в состоянии адекватно идентифицировать эти «сигналы» интертекстуальности и интерпретировать их, в чем заключается особая прагматическая специфика данной категории. Вводимый автором текст трансформируется, образуя новое сообщение. Вследствие трансформации может меняться вся структура внутри того текста, в который происходит введение другого текста.

Теория интертекстуальности, зародившаяся в середине XX века и получившая свое развитие в трудах отечественных и зарубежных исследователей, на наш взгляд, может рассматриваться в еще одном аспекте: в плане извлечения подтекстовой информации в художественном тексте с последующим включением ее в толкование смысла текста.

Термин «интертекстуальность» — фр. *intertextualite*, англ. *intertextuality*, — введенный в 1967 г. теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой, стал одним из основных в анализе художественных произведений постмодернизма. Ю. Кристева сформулировала свою концепцию интертекстуальности на основе переосмысления работы М. Бахтина 1924 г. «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве». Однако конкретное содержание термина существенно видоизменяется в зависимости от теоретических и философских предпосылок, которыми руководствуется в своих исследованиях каждый ученый. Общим для всех служит постулат, что всякий текст является «реакцией» на предшествующие тексты» [1, с. 206—207].

Отметим, что интертекстуальные включения обладают свойством двойственности, они одновременно принадлежат данному тексту, а также другим текстам. Наталкиваясь на такие, на первый взгляд, чужие данному тексту элементы, реципиент, установив их чужеродность для данного текста, пытается их понять, объяснить. Когда же это происходит, текст реализует дополнительные информативные возможности. Авторы произведений могут намеренно вводить маркеры интертекстуальности в виде прямого указания на источник в сносках или в словах кого-нибудь из персонажей или в эпиграфах. Все это играет важную роль для установления связи с прототекстом.

Н.А. Фатеева, анализируя художественные тексты эпохи модернизма и постмодернизма, отметила следующую функцию интертекстуальности: «межтекстовые связи создают вертикальный контекст произведения, в связи с чем он приобретает неоднородность смысла» [2, с. 12]. Предположим, что присутствие «текста в тексте» можно считать сигналом для обнаружения подтекстовой информации, которая может быть извлечена читателем на основе не только лингвистических предсуппозиций, но и с учетом экстралингвистических знаний, позволяющих установить многомерные связи между разными текстами, анализируя текстовую маркер.

Если автор прибегает к диссимиляции, введению формальных маркеров межтекстовой связи, к метатекстовой игре с «чужим» текстом, значит, такой авторский ход должен быть мотивирован.

Согласимся с Н.А. Фатеевой в том, что если автор эксплицитно не объясняет причину выбора той или иной связи с другими текстами, значит, задача реципиента заключается в поиске ответа на этот вопрос. Очевидно, что в подобных случаях любые отношения с текстами-донорами должны рассматриваться как смыслообразующие. При этом, заметим, каждый заимствованный неким образом элемент порождает смысл, выражая (эксплицируя) подтекст [2, с. 20].

Интертекстуальность в последнее десятилетие приобрела статус неотъемлемой части дискурса конца XX века. В литературе последних лет новые тексты рождаются из фрагментов или с ориентацией на «атомы» старых, причем соотнесение с другими текстами становится архитектопическим принципом. С точки зрения читателя, понимание таких текстов осуществляется в металитературном ключе [2, с. 18]. Круг авторов, которые становятся как бы центрами интертекстуального «излучения», не так уж широк. Как правило, он ограничивается школьной программой, иногда несколько выходя за ее рамки. Художник понимает, что адекватность восприятия порождаемых им текстов зависит от «объема общей памяти» между ним и его читателями; общностью «диалекта памяти» определяется и степень «эллиптичности» текста и выбор автором собеседника-адресата [2, с. 19].

Отметим, что современные авторы, чьи произведения написаны на рубеже веков, прибегают к претекстам религиозного содержания: Библия, Коран и т.п., а также трудам философов и ряда общественных деятелей. Это можно объяснить, на наш взгляд, активными поисками решения не только разного рода социальных проблем, но и обращением к вопросам религии, философии и культуры. Это вполне объяснимо желанием человечества решать «вечные» вопросы, затрагивающие, в первую очередь, религиозные, нравственные ценности, и стремлением прийти к возможному пути обустройства общественного уклада жизни со всеми свойственными ему атрибутами: экономикой, политической системой и т.п.

Явление интертекстуальности широко рассматривается современными исследователями, в результате чего в настоящее время можно говорить о нескольких видах языковой реализации ее в тексте, к которым относятся цитаты, аллюзии и т.д.

Одним из способов языковой реализации категории интертекстуальности в тексте являются иностилевые вкрапления. В их основе лежат стилистически окрашенные слова — это «слова, в лексическом значении которых имеются коннотации, указывающие на их принадлежность к тому или иному стилю» [3, с. 82]. По мнению Ж.Е. Фомичевой, «при смешении регистров и стилей происходит основанное на интертекстуальности противопоставление кодов двух произведений. В этом случае имеет место деформация старого кода и перераспределение некоторых элементов... старый код приспосабливается к выполнению нового коммуникативного задания» [3, с. 85]. Под влиянием такого иностилевого вкрапления происходит преобразование общего смысла произведения, и «чужой» текст подстраивается, трансформируется уже как часть произведения. В следующем примере актуализируется нереальность происходящего, невозможность вернуть к жизни Моньку: «А до того, до того, я уже буду знать, что закину впервые свой невод — и придет он с морской травой, а закину второй раз свой невод — и придет он лишь с тиной морскою, а третий раз закину я невод — и зачерпну только голого неба, а твоя душа, навеки

свободная, хрустально смеющаяся надо мной душа, ускользнет, ускользнет — и так будет ускользать всегда, сколько ни изощрена и мелкоючиста будет моя сеть. И я буду знать, что сначала отчаюсь, а потом обрадуюсь» (М. Палей. Кабирия с Обводного канала).

По-видимому, именно в 90-е годы XX века в литературе резко активизировался интерес не к отдельным признакам, а именно к жанру притчи, к которому обращаются следующие авторы: М. Сазонова, Н. Байтов, Дм. Гайдук, А. Соколов, А. Цветков, И. Бражников. Жанр притчи может использоваться в новых, неожиданных целях, но остается признаком притчеобразности: текст отсылает к некому смыслу, который не может быть назван прямо.

Таким образом, указанные нами элементы со значительной экстралингвистической нагрузкой расширяют пласт подтекстовой информации дополнительными сведениями разного характера.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ильин И.И. Интертекстуальность // Современное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. — М., 1999. — С. 206—207.
2. Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия Акад. Наук. Серия лит-ры и языка. — 1997. — Т. 56. — № 5. — С. 12—21.
3. Фомичева Ж.Е. Иноязычные скопления как вид интертекстуальности // Интертекстуальные связи в художественном тексте. — С.Пб.: Образование, 1993. — С. 82—91.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Пчельник Е.В., Ревчук И.Н., ИПО УО «ГрГУ им. Я. Купалы»

Владение иностранными языками в настоящее время является действенным фактором социально-экономического, научно-технического и культурного прогресса, способствует осуществлению целого ряда международных, экономических, научно-исследовательских контактов.

В изучении иностранного языка информационные технологии как средство обучения позволяют обеспечить: 1) полноту и точность представляемой студентам информации об изучаемых процессах и явлениях; 2) интенсивность и эффективность учебного процесса средствами программного контроля; 3) активизацию познавательной деятельности студентов и рост интереса к изучению иностранного языка; 4) оказание помощи преподавателю в процессе образовательной деятельности.

В период с 2002 г. по 2004 г. студентам I курса факультета непрерывного образования ИПО на первом практическом занятии предлагалось пройти тестирование по дисциплине «Иностранный язык». Цель такой формы контроля — выявление «белых пятен» (пробелов) в знаниях студентов, а также определение общего уровня подготовки по иностранному языку как каждого студента в отдельности, так и группы в целом.

Проведение подобной формы предварительного контроля знаний было обусловлено рядом причин: во-первых, на факультет непрерывного образования ИПО приходят выпускники из разных колледжей и техникумов, что предполагает наличие разного уровня знаний по иностранному языку; во-вторых, большой диапазон года выпуска студентов, и, как следствие, различный объем усвоенных знаний (возраст студентов колеблется от 18 до 40—45 лет); в-треть-